

Эль-Клайв — Сергей СОСНОУСКИЙ. Фото Юрия МИХАЙЛИНА.

Сначала эта пьеса называлась «Великий человек» (в шутку). Затем у нее вообще не было названия, и в названии «Испанский пьесой». Первым настоящим названием пьесы стало «Девочка для битья» (опанное название), которое в потом поменяли на «Козья отпущенка» (но что здесь козья отпущенка: он или она?). Потом появилось истинное название, которую и назвал «Темные линии». И вот в день премьеры пьеса называется «Тора».

Хочу передать горячую и сердечную благодарность следующим

руководителю и постановщику Александру Дзюкову, директору и администрации Саратовского театра драмы, всем артистам, все актрисам, музыкальному руководителю, художнику, декораторам и портным, всем, кто оформил фасад театра, переводчикам.

... кто работает в Саратовском театре драмы и для него. Благодарю Тано Дамико, в прошлом балетну Мариинского театра, первого русского человека, проявившего интерес к моим пьесам и парадного пьесу Николаю Исмаиловой из «Измавский».

Хочу поблагодарить всех жителей Саратова.

Клайв ПЭТОН, Англия.

Как любил в упругость двух локтей, стремительных ног!
Пожалуйста смерть — в черных туфлях навстречу в выду,
Шаг за шагом вперед, шаг за шагом вперед по дороге,
по которой ползет или мчится,
одна ли, со святой,
тайком ли, открыто—
смерть.

Как любил в упругость двух локтей, стремительных ног!
Пусть покажет смерть — в черных туфлях навстречу в выду,
и черные туфлях шаг за шаг за барьер и стулою на арму,
где беснуется смерть:
в ее раве глухом—
стон молотка бездомный
и вздох слепых поджельный,
в ее раве прожигном—
плач бесплодной змеи,
звон гитары.

Как любил в упругость двух локтей, стремительных ног!
Выпадает одним умереть на ногах—
в сапогах, в альпартгах,
на пороге распахнутой двери, у раскрытого настежь окна,
среди улицы, залитой солнцем.
Выпадает другим. ...

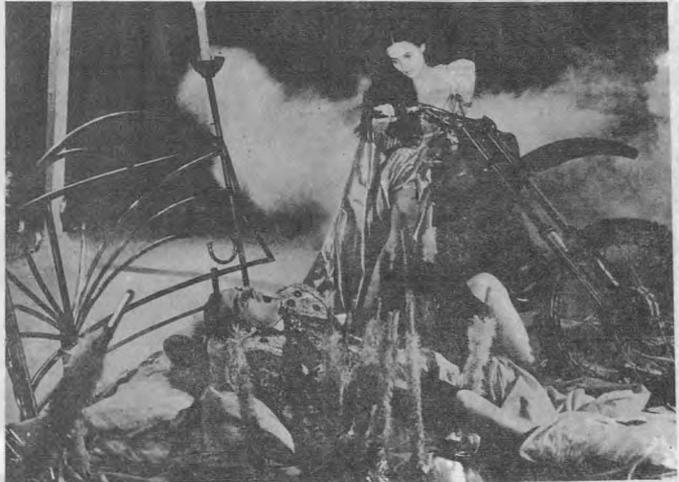
Пусть покажет смерть — в черных туфлях навстречу в выду,
в черных туфлях тупила в в розовых платных чулках,
иногда постараясь в смерти
смертельным удар.
Берегись!

Как любил в упругость двух локтей, стремительных ног!

Рафаэль АЛЬБЕРТИ
Из цикла «Быть смерти»

Клайв Пэтон ТОРО

ТРАГИКОМЕДИЯ

Эль-Клайв — Сергей СОСНОУСКИЙ. Мария — Наталья МЕРЦ. Фото Алексея ГУСЬКОВА

Назоднего до начала сезона художественный руководитель театра и постановщик спектакля Александр Иванов Дзюков был с испонителем главной роли Сергеем Валентиновичем Сосноуским отправился в Испанию, дабы лично познакомиться с жизнью той жизни, которую они воспроизведут на сцене. Именно там поступили когда-то в легендарном МАТЛЕ. ... Предлагаем вам фрагменты рассказа Александра Дзюкова об этой поездке [важные для понимания замысла и сути спектакля].

... В Мадрид мы съездили на самолете. Двигет не застряло. А на кордону все-таки аполонили; посмотрели запись ее прямой трансляции на огромном экране и записали на свою пленку.

Там работали три самых блестящих матадора Испании. Убили трех быков и ушли им отразили. Это очень страшно. Но я понял смысл этого зрелища, корин его — религиозные, эстетические. Оно связано с предопределенной фатальностью. Человек встречается с реальной возможностью своей смерти и — побеждает. Я принял кордону, она не показалась мне антигуманной.

Меня восхищали смелость, мужество и мастерство человека, который сам допускает встречу со смертью.

А севом сильное впечатление в Испанию — театр-музей Сальвадора Дали. Он находится недалеко от Барселона, в Фигерврос. Мы еле шли, потому что там никто не знает, где он.

Дали сам построил этот музей, сам сделал экспозицию: много тысяч работ, живопись, графика, скульптура. Я впервые был в гостях у гения. ...

Я многого угадал в спектакле. Правда, сначала я хотел избежать испанского юмориста, а потом стал вводить. Кстати, явил в спектакль велосипеды, мотоциклы, приехали

в Испанию, а там их — не саранчи, все пользуются велосипедом. Мы недалеко там были, кажется, а в на третий день вещи стал собирать: от себя не ушел. Купил альбом Дали. Могу, конечно, и дома, но решил выбрать там. Между Дали и нашим главным героем есть общее: жажда собственной жизни и жизни всех людей рядом превращает в художественное произведение. Это оборачивается преступлением у моего героя, губит окружающих. Я вообще хотел поставить этот спектакль как сюрреалистический. Дали видит жизнь как катастрофу и открывает нам красоту, даже героизм катастрофы.

Эта пьеса требует высочайшего уровня откровенности. Это фрейдистская пьеса. Главный герой живет вне общепринятых норм морали и нравственности. Все, что он переживает, он делает достоинством всеобщим. Он приглашает операторов, и они снимают его жизнь, даже в постели с женой. Дало не в том, что в спектакле много обнаженной натуры, нет, тут надо рассказать такую правду про человеческую душу, природу, допустить, что в театре тоже наличествуют ужасные вещи. Все это мучительно трудно. ...

Пьеса очень большая, с огромным количеством событий, поступков, текста. Плюс еще сказка «Газель», которую я явил в спектакль.

Два мира: жизнь людей — жизнь животных, а животные — это еще жизнь на празднике, на фестивале, вокруг его последней кориды (главного героя — рева.), а еще это

его сыновья и дочери, о существовании которых он не подозревал, и приходят они, чтобы убить его.

Человек теории нравственности беззастенчиво вполне осознанно, и вот теперь его прошлое уничтожает его настоящее и будущее.

У Пэтона в пьесе этот матадор — дурная нобель, а мне так неприятно. Он у нас умный, тонкий человек, глубоко талантливый, даже великий в своем деле. Он озвучен ужасом, что дочь его повторит его натуру, он борется против порока, который сам в себя несет, и проигрывает. Автор пьесы говорит, что он никому не сострадает, но зачем ставить спектакль про тех, кому изъяснявшись в невинности!

Я так не могу. Я определенно жанр этой пьесы как комической ужас, комической кошмар. В афише спектакля трагикомедия. Но смешного в спектакле все меньше и меньше. Я не думаю, что будет смешно.

Очень важны сцены коридры. Это такое эмпирическое и физиологическое погружение, религиозно-сексуальное. Матадоры говорят, что они быку такие слова шепчут, какие жене никогда не шептали. Коридра превращается человека.

Этот спектакль — вторая попытка полета после «Додо». Хотелось прощаться к Более глубокому, интеллектуальному, обязательному существованию актеров. Может, а третий пьеса Пэтона уместит! ...

Записала Ирина ГОРЕЛИК
Газета «Саратов», 24 октября 1992 года

iole!